

ПЕРВЫЙ СОВЕТСКИЙ НАТУРАЛЬНЫЙ НАЛОГ НА КРЕСТЬЯНСТВО (1918–1920 гг.)

С первых дней установления советской власти перед большевистским руководством встала проблема создания налоговой системы, соответствующей новому строю. Какой-либо четкой программы ее построения пришедшая к власти партия не имела. Между тем старая фискальная система практически рухнула в первые месяцы существования нового режима. Основным налогоплательщиком России было сельское население, которое после Октябрьской революции 1917 г. перестало платить налоги, по-своему поняв наступавшую свободу. Между тем доходы казны стремительно таяли. Большевики понимали, что для содержания государства необходимо привлечь крестьянство, но каким образом это сделать, было неясно.

В начале 1918 г. в правительство Советской республики – Совет народных комиссаров (СНК) поступила масса предложений о способах привлечения крестьян к уплате налогов. Среди большевиков по этой проблеме велись жаркие споры. Тем временем экономическое положение Советской республики permanently ухудшалось. К весне 1918 г. уже обозначились наиболее серьезные хозяйственные проблемы: продовольственная и финансовая. Население городов оказалось на грани голода, к этому прибавилась галопирующая инфляция – следствие непрерывной эмиссии бумажных денег.

Весной 1918 г. в недрах Народного комиссариата финансов (НКФ) родилась идея обложения крестьянства налогом в натуральной форме. Новый налог должен был дать государству необходимое количество продуктов для снабжения городов и армии, и на его доходность не могло повлиять постоянное обеспечение денег. Разработка натурального налога началась, когда во главе НКФ стоял И.Э. Гуковский. Именно он уже после своей отставки представил проект декрета на коллегии Наркомфина 25 августа 1918 г. Это заседание началось с доклада нового наркома финансов Н.Н. Крестинского о налоговой политике, после выступления которого Гуковский внес на обсуждение проект декрета о натуральном налоге для крестьян. Было решено принять документ в целом, предложив в срочном порядке его детальную разработку межведомственной комиссии с участием Наркомпрода, комиссариата земледелия, НКВД и Госконтроля РСФСР. 31 августа коллегия НКФ направила декрет о натуральном обложении в СНК¹.

4 сентября 1918 г. на заседании правительства Крестинский представил проект декрета об обложении сельских хозяев натуральным налогом в виде отчисления части сельхозпродуктов. Решено было передать документ в комиссию из представителей НКФ, наркоматов продовольствия, земледелия, Госконтроля и НКВД². В докладной записке, приложенной к проекту декрета, Крестинский писал, что стоимость содержания государственного аппарата очень быстро растет, возлагать на городское население «всю эту растущую тяготу» нельзя, поэтому необходимо привлечь к оплате государственных расходов и сельское население. Сделать это в форме денежного обложения крестьян очень трудно, так как имеющиеся у крестьян деньги, а также фактический денежный доход с их хозяйств «с трудом поддается учету». Гораздо легче было это сделать путем взыскания в казну части сельскохозяйственных продуктов натурой³.

В ходе работы над декретом возникли трения между НКФ и другими членами созданной правительством комиссии. 21 сентября 1918 г. СНК обсуждал переработанный проект декрета о натуральном налоге. В новой объяснительной записке Наркомфина

* Соколов Евгений Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, докторант Московского педагогического государственного университета.

доказывалась практическая допустимость обложения крестьян натуральным налогом. НКФ утверждал, что, по его сведениям, во многих уездах и волостях ряда губерний применялось натуральное обложение сельских хозяев. После активного обсуждения СНК снова предложил комиссии переработать проект декрета⁴. Но разногласия не были преодолены. 6 октября 1918 г. на коллегии НКФ по вопросу о натуральном налоге для крестьян выступил заместитель наркомфина С.Е. Чуцкаев. Он утверждал, что комиссия СНК внесла в проект такие изменения, которые превращают налог из имущественно-подходящего только в подходящий и в корне изменяют его конструкцию. Однако коллегия в целях ускорения проведения декрета решила согласиться с комиссией и переработать документ в соответствии с общими замечаниями к нему⁵.

19 октября 1918 г. советское правительство окончательно утвердило все принципы декрета о натуральном налоге⁶. 26 октября в СНК с докладом комиссии по разработке декрета об обложении сельских хозяев натуральным налогом выступил Чуцкаев. Декрет был принят и направлен на окончательное утверждение во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК)⁷, где 30 октября 1918 г. утвержден⁸. В НКФ считали это крупной победой, думая, что натуралог свяжет их с будущим и сохранится в период переходной эпохи к коммунистическому строю⁹. Эта, совершенно новая система обложения населения налогом, по мнению большевиков, более соответствовала коммунистическому строю, так как налог должен был поступать в натуральной, а не в денежной форме. Практически натуралог стал первым советским налогом на крестьянство. Его введение должно было разрешить несколько задач: привлечь к содержанию государства сельское население, практически переставшего платить налоги с октября 1917 г.; укрепить социальную базу советской власти в деревне за счет подрыва экономической мощи кулачества; обеспечить города и армию регулярным поступлением продовольствия; улучшить финансовое положение республики. Чуцкаев на съезде финотделов в мае 1919 г. заявил: натуральный налог «должен был дать нам такое количество продуктов сельского хозяйства, которое целиком обеспечило бы потребности крупных городов и всех промышленных центров». Он считал, что этот вид обложения натурой должен был получить дальнейшее развитие, поэтому требовалось приступить к введению ряда натуральных налогов и сократить этим размеры денежного обращения¹⁰.

В.И. Ленин внимательно следил за разработкой новой формы обложения крестьянства налогом, неоднократно производил расчеты по распределению его тяжести для классовых групп деревни и о предполагаемых по нему поступлениях. 2 августа 1918 г. глава советского правительства предложил народным комиссариатам продовольствия, земледелия, финансов, торговли, промышленности и ВСНХ: «Установить налог натурой, хлебом с богатых крестьян, считая богатыми таких, у которых количество хлеба (включая новый урожай) превышает вдвое и более чем вдвое собственное потребление (считая прокорм семьи, скота, обсеменение). Назвать подходящим и поимущественным налогом и сделать его прогрессивным»¹¹. Большевистский лидер предполагал освободить от натуралога 3,4 млн крестьянских хозяйств (32%), обложению подлежало 6 млн. Они должны были дать 300 млн пудов хлеба, что в среднем составляло по 50 пудов на хозяйство¹².

При подготовке налога было решено, что обложению подлежат только те хозяйства, которые имеют определенные размеры посева и количество скота. При установлении того и другого использовались данные земских учреждений и статистических органов старого времени. Местные власти должны были определить экономические группы, подлежащие обложению, по чисто субъективным признакам. Такой способ исчисления налога оказался несовершенным. Поэтому НКФ пришлось дать «замороженные» нормы ставок в специальных таблицах. При обложении налогом пашни применили двойной принцип, учитывая площадь посева и размер семьи. При начислениях на скот вводилось одинаковое обложение всех плательщиков, обладавших определенным количеством скота. Применить в этом случае корректировку в виде сообразности ста-

вок с составом семьи оказалось невозможно. Поэтому освободили от обложения определенное количество скота для всех групп населения¹³.

Декрет о натуральном налоге имел ярко выраженную классовую направленность. Обложению налогом не подлежала беднота, на средних крестьян налагались умеренные ставки, главную часть сборов должны были внести кулаки. Сельские хозяева, сдавшие все продовольственные излишки, освобождались от обязанности внесения налога натурой только тогда, когда докажут, что хлеб ими сдан продовольственным органам. В таком случае они получали право уплатить стоимость подлежащего внесению в налог хлеба деньгами по твердым ценам. Стоимость натуралога исключалась из суммы подлежащего с плательщика подоходного налога, а также отменялся общегосударственный поземельный налог¹⁴.

Ставка обложения устанавливалась в зависимости от числа едоков, количества десятин посева и голов скота. От налога освобождались хозяйства, в которых запасы продовольствия не превышали на 1 октября 1918 г. собственные потребности. Всю страну кроме губерний, занятых интервентами и белогвардейцами, разделили на 7 районов в зависимости от экономических, географических и климатических условий: Центрально-земледельческий, Приволжский, Центрально-промышленный, Белорусский, Приуральский и Северный. Каждому району соответствовали 2 таблицы: по одной устанавливался размер натуралога в зависимости от площади посева, по другой – от количества голов скота. Для удобства плательщиков декрет предусматривал эквивалент замены ржи другими продуктами, для чего была составлена специальная таблица¹⁵. Вскоре НКФ разработал и опубликовал положение и инструкции о натуральном налоге, затем издал ряд циркуляров, разъяснявших правила установления натуралога и требовавших его скорейшего проведения в жизнь. За полугодие с момента принятия декрета были опубликованы 3 постановления ВЦИК и 19 различных инструкций и циркуляров НКФ¹⁶.

Такое количество распоряжений объясняется трудностями в проведении натуралога. С конца 1918 г. местные финансовые органы обязывались вводить одновременно 2 налога – чрезвычайный и натуральный. С такой сложной задачей они не справлялись. Из ряда губерний поступали сообщения о том, что некоторые сельские хозяева, особенно зажиточные, всячески уклоняются от натуралога. Кроме того, с мест шли предложения отменить или отсрочить введение этого налога¹⁷.

Советское правительство вынуждено было реагировать на обращения провинциальных властей. 26 ноября 1918 г. СНК после обсуждения вопроса о налоговой политике постановил создать комиссию для сбора сведений о проведении в жизнь чрезвычайного налога из представителей народных комиссариатов внутренних дел, финансов, земледелия и продовольствия. Ей же поручалось собрать информацию о проведении в жизнь натуралога. 12 декабря 1918 г. СНК заслушал доклад комиссара финансов Крестинского о налогах и постановил 18 декабря созвать совещание (в его состав вошли Ленин, Крестинский и Н.П. Брюханов) по проблеме натурального налога. Крестинскому и Брюханову поручили связаться с Я.М. Свердловым, чтобы внести этот вопрос во ВЦИК. 19 декабря СНК предложил обсудить проблему еще раз с народным комиссаром земледелия С.П. Середой и наркомом юстиции Д.И. Курским. 20 декабря вопрос обсуждался на заседании Президиума ВЦИК.

23 декабря 1918 г. ВЦИК принял постановление, где говорилось, что декрет «Об обложении сельских хозяев натуральным налогом» вследствие позднего его опубликования начал проводиться в жизнь лишь сейчас. За это время часть крестьян уже успела передать продовольственным органам по твердым ценам все излишки хлеба, которые они обязаны были сдать государству в силу хлебной монополии и внести стоимость причитающегося с них в виде налога и уже сданного хлеба деньгами. Так как значительная часть среднего крестьянства была привлечена в текущем году к платежу еще и чрезвычайного налога, то взыскание натуралога деньгами явилось бы лишним обременением наиболее аккуратных плательщиков. Вследствие этих обстоятельств ВЦИК постановил: всех сельских хозяев, которые уже сдали или сдадут до 1 марта 1919 г. из-

лишки хлеба, освободить от уплаты натурального налога за 1918 г. Одновременно на местные советы возлагалась обязанность принять срочные меры к проведению натурального налога в жизнь¹⁸.

Несмотря на все старания советского правительства, наладить работу по введению натурналога не удавалось. В первую очередь это было связано с тем, что на рубеже 1918–1919 гг. все силы местных финансовых органов бросили на реализацию чрезвычайного налога. Кроме того, новая система обложения потребовала большой подготовительной работы. Советы в подавляющем большинстве никак не могли справиться с составлением списков плательщиков и исчислением окладов налога. Губернские и уездные финансовые органы относились к натурналогу равнодушно, и такое явление, как отказ волостных советов проводить работу по налогу, «никакой реакции со стороны местных советских работников не вызывало и считалось почти нормальным». «Вопли „центра“ о том, чтобы работы по натуральному налогу были поставлены на первую очередь, на местах оставались „гласом вопиющего в пустыне“»¹⁹.

11 января 1919 г. в Советской республике ввели продразверстку, которая сыграла решающую роль в истории натурального налога. По декрету СНК сельские хозяйства, сдавшие к 1 марта 1919 г. не менее 70% затребованного от них по разверстке хлеба и фуража и к 15 июня выполнившие разверстку полностью, освобождались от обложения натурналогом²⁰. Практически натуральный налог и продразверстка преследовали одну и ту же цель – обеспечить страну продовольствием. Разница между ними заключалась лишь в способах изъятия продуктов. По натурналогу они поступали безвозмездно, а по разверстке оплачивались по твердым ценам, но в глазах крестьян это не имело значения из-за низкого курса рубля. Местные работники и сельское население не видели разницы между натурналогом и продразверсткой, настаивали на отмене или отсрочке налога²¹. Москва вновь пошла на уступки губерниям. 8 марта 1919 г. появилось постановление Президиума ВЦИК, которое отсрочило взимание натурналога с урожая 1918 г. до 1 апреля 1919 г.²²

Весной 1919 г. увеличился поток ходатайств и предложений об освобождении от натурального налога или его отсрочке. Весь налоговый эффект должен был получиться от обложения зажиточных слоев деревни, но число таких оказалось слишком незначительным. В центрально-промышленных и северных губерниях были целые уезды, где количество плательщиков натурналога ограничивалось лишь десятками²³. Но Наркомфин продолжал требовать проведения нового обложения в жизнь и специальным циркуляром от 22 марта 1919 г. отклонил многочисленные ходатайства губернских и уездных финотделов о приостановке всех работ по натуральному налогу²⁴.

НКФ вынужден был скорректировать свою позицию по натурналогу в русле общего изменения политики большевиков по отношению к крестьянству после VIII съезда РКП(б) (18–23 марта 1919 г.). Наркомфин стал готовить проект декрета об облегчении обложения сельских хозяйств натуральным налогом²⁵. 12 апреля 1919 г. на коллегии НКФ по вопросу о натурналоге выступал заведующий отделом прямых налогов и пошлин НКФ Л.Л. Оболенский, который для увеличения поступлений предложил применять к его неплательщикам ряд санкций²⁶. 24 апреля 1919 г. по докладу наркома финансов Крестинского СНК утвердил проект декрета «О льготах по взиманию натурального налога» и передал его во ВЦИК²⁷, который 25 апреля 1919 г. был принят им²⁸. В декрете ВЦИК говорилось, что значительная часть крестьян-середняков уже отдала государству в виде чрезвычайного или местных налогов ту часть избытка от своего ежегодного дохода, которая могла причитаться с них в поступление натурального налога. Поэтому представлялось справедливым освободить их от внесения натурналога с урожая 1918 г. На богатых сельских хозяев эта льгота не распространялась. Не платили натурналог крестьяне, которые внесли с площади посева 1918 г. в зависимости от губернии менее 40, 50 и 60 пудов хлеба²⁹. 30 апреля 1919 г. для осуществления декрета Наркомфин разослал всем губфинотделам специальную инструкцию³⁰. В результате местные власти вынуждены были фактически заново составлять списки

плательщиков, и начислять другие оклады причитающегося с каждого из них налога. Все это внесло дезорганизацию в проведение натуралога.

Итог полугодовой работы по введению натурального налога подвел майский 1919 г. съезд представителей финотделов. В своем докладе 22 мая Чуцкаев отметил, что натуральный налог явился новшеством в налоговой деятельности НКФ. По его мнению, несмотря на противодействие, население не отнеслось к нему совершенно отрицательно, напротив, те группы крестьян, на которые распространялся этот налог, восприняли его в общем благоприятно. Докладчик согласился с Крестинским в том, что натурналог имеет будущее, он приемлем для советской власти, так как исключает возможность обращения к чисто денежным формам. Чуцкаев призвал делегатов продолжить работу по натуралогу, настаивал на необходимости проверить правильность системы обложения им и к осени 1919 г. поставить его проведение в нужные рамки³¹.

Налоговая секция съезда 23 мая 1919 г. рассматривала проблемы, связанные с натурналогом, подробно. Представитель НКФ Н.Н. Евреинов в своем докладе скептически отозвался о его перспективах. Он считал, что при здоровой системе денежного обращения и при государственной монополии на хлеб и другие важнейшие продукты сельского хозяйства, обложение крестьянства натуральным налогом теряет свое значение и будучи связано с весьма сложной техникой исчисления и взимания, нецелесообразно. Однако Евреинов обратил внимание делегатов на сильные колебания курса рубля, наносившие ущерб доходным поступлениям от денежных налогов, поэтому он настаивал на необходимости в сложившейся обстановке оставить в силе декрет от 30 октября 1918 г.³²

В докладе Оболенского отмечалось, что сразу после введения натуралога с мест стали поступать запросы о разъяснении различных вопросов, возникавших при его применении на практике, а также ходатайства об освобождении от обложения целых губерний и уездов. Появились просьбы и об уплате налога деньгами. НКФ направлял на места отдельные ответы и общие циркуляры по всем этим вопросам. В отличие от Евреинова Оболенский считал натуральное обложение сельского населения очень важным, так как оно в будущем заменило бы собою денежное. Докладчик отметил незначительность результатов первого года применения натуралога, но призвал делегатов обратить особое внимание на необходимость его правильного проведения³³.

В прениях представители финотделов указали на несогласованность действий НКФ и Наркомпрода, который забирал хлеб. Большинство делегатов высказалось против налога на скот. Это предложение представителей финотделов было включено в резолюцию секции. В докладах с мест делегаты отмечали, что в стране по натуральному налогу провели лишь подготовительные работы. Объяснение давалось только одно – позднее получение декрета в губерниях.

Представители финотделов считали, что больших результатов от натуралога в 1918 г. ожидать нельзя, так как состоятельные лица уже внесли хлебные излишки в продовольственные органы, а его регулярное поступление должно было начаться лишь с осени 1919 г. Делегаты говорили о необходимости присылки инструкторов на места и проведения переписи для получения новых статистических данных с целью правильного обложения крестьян налогом. Выступавшие в целом поддерживали идею НКФ, что для такой земледельческой страны, как Россия, натурналог в будущем будет иметь огромное значение. Представитель Воронежского губфинотдела увидел в этом налоге подготовительную меру, способствовавшую вытеснению из оборота денежных средств и переустройству государственного аппарата на новых социалистических началах³⁴.

Несмотря на все усилия Наркомфина, положение с натуральным налогом за лето 1919 г. существенных изменений не претерпело. Так, заведующий финотделом Клинского уездного совета в своем докладе 10 августа 1919 г. отметил, что финансовый отдел только приступает к проведению в жизнь декрета от 30 октября 1918 г. Завфинотделом считал странным говорить о введении натуралога в потребляющем уезде, где своего хлеба почти всегда не хватало до нового урожая, и полагал, что больших результатов не будет³⁵. НКФ запросил сведения с мест о проведении натурального налога на

1 августа 1919 г. В итоге получить более или менее полную информацию об этом не удалось. Из Тамбовской, Новгородской, Вологодской и Курской губ. сообщили лишь о том, что доставление сведений задерживалось из-за непредоставления данных уездными финотделами. Из Вологды ответили, что поступления натурналога по губернии не предвидится. Самарский губфинотдел не смог отправить сведения, так как губерния находилась в прифронтовой полосе. Тверской губернский финотдел не предоставил данных вследствие отказа многих волостных советов проводить соответствующие работы.

Но даже те сведения, которые дошли до НКФ, рисовали неутешительную картину. На 1 августа 1919 г. в 7 губерниях (Олонецкой, Костромской, Северо-Двинской, Оренбургской, Казанской, Московской и Петербургской) никаких работ не производилось. В 10 губерниях началась частичная первоначальная деятельность организационного характера. В Иваново-Вознесенской, Владимирской, Калужской, Ярославской губ. работы затронули по одному уезду; Рязанской и Воронежской – по 2; Нижегородской – 4; Орловской – 5; Саратовской – 6 уездов. Несколько шире были поставлены работы в Пензенской, Симбирской, Вятской, Гомельской и Витебской губ., но материалы, пришедшие оттуда, не позволяли НКФ сделать выводы о степени успешности подготовительной деятельности по натурналогу³⁶.

Продолжавшийся общий курс советской власти на сближение с крестьянством отражался на натуральном налоге. 7 августа 1919 г. коллегия Наркомфина установила очередные льготы по натурналогу на этот год³⁷. 13 августа 1919 г. малый СНК, обсудив проект декрета о льготах по натурналогу, принял его единогласно, но 21 августа советское правительство отклонило это решение и передало проект на заключение народных комиссариатов продовольствия и земледелия. Малому СНК поручили срочно к 27 августа пересмотреть его в присутствии представителей этих ведомств³⁸. В назначенный день малый СНК рассмотрел «Декрет об облегчении обложения сельских хозяев натуральным налогом», а также журнал заседания ведомственного совещания и справку по проекту декрета³⁹. В итоге проект отклонили, а НКФ поручили в срочном порядке обратиться в Президиум ВЦИК с ходатайством о приостановлении взыскания натурального налога в предстоящую осеннюю кампанию по сбору урожая⁴⁰. Решение малого СНК могло окончательно похоронить натурналог, что означало полное крушение идеи НКФ о создании новой безденежной фискальной системы. Наркомфин повел борьбу за сохранение налога, «устремленного в будущее». 3 сентября 1919 г. коллегия НКФ решила при обсуждении вопроса о натурналоге в СНК отстаивать его сохранение в этом году с теми льготами, которые были установлены на заседании коллегии от 7 августа⁴¹.

11 сентября 1919 г. Совнарком отменил решение малого СНК и постановил принять за основу проект наркоматов финансов, земледелия и продовольствия, но «переработать декрет в том смысле, что высшие группы посевищиков уплачивают не 50, а 100% налога». В случае единогласия Ленину поручалось подписать декрет от имени СНК, а комиссия в составе Чуцкаева, В.И. Невского и П.И. Попова должна была составить в ближайший срок листок о натурналоге⁴². 29 сентября 1919 г. Президиум ВЦИК рассмотрел проект декрета и предложил наркому финансов его отредактировать. 7 октября 1919 г. СНК, после доклада Крестинского, утвердил проект. 8 октября Совнарком передал проект декрета во ВЦИК, который утвердил его 15 октября⁴³. Декрет ВЦИК «О льготах по обложению сельских хозяев натуральным налогом в 1919 г.» учел положение делегатов съезда от финотделов и освободил сельских хозяев от обложения натурналогом по числу голов скота. В 1919 г. начисление налога должно было производиться исключительно по размерам площади посева. Для малоимущих групп крестьянства оклад натурналога понижался на 50%. НКФ должен был срочно разослать инструкцию по проведению декрета в жизнь⁴⁴.

История с принятием декрета говорит о том, что большевистское руководство к концу 1919 г. было настроено отменить натуральный налог. Но НКФ не хотел отказываться от новой системы обложения. Так, Оболенский настаивал на важности этого

налога: «Отказаться от натурального налога мы сможем только тогда... когда деревня добровольно, в огромной массе, перейдет к коммунистической обработке земли. Пока... натуральный налог является единственным, пожалуй, и главнейшим звеном политической связи крестьянских масс с государством во всем его целом»⁴⁵. Принятие новых льгот по натурналогу означало для местных властей очередную радикальную перекопку списков плательщиков и налоговых ставок, уже третью с момента принятия декрета 30 октября 1918 г.

30 декабря 1919 г. нарком продовольствия А.Д. Цюрупа разослал всем губпродкомам телеграммы, предлагая сообщить, какие губернии проводили натурналог, как он выполнялся, а также о причинах его успеха или неуспеха. Поступившие из 21 губернии ответы показали, что многие губернские советы пытались ввести натуральный налог, в отдельных из них были небольшие поступления хлебом и деньгами. В большинстве же ответов перечислялись трудности, с которыми столкнулись местные органы власти: отсутствие квалифицированных работников, нехватка средств и другие причины, повлиявшие на раскладку натурналога⁴⁶. Положение с последним не претерпело изменений и в следующем году. 18 мая 1920 г. Бузулукский уездный съезд Советов (Самарская губ.) в резолюции по финансовому вопросу просил центр пересмотреть принципы обложения натурналогом крестьянства⁴⁷. 5 июня 1920 г. заведующий уфинотделом Курецкий в докладе на Шадринском уездном съезде Советов (Екатеринбургская губ.) подробно остановился на проведении в жизнь натурального налога. Декрет от 30 октября 1918 г. ввели в уезде с середины октября 1919 г., но по распоряжению Екатеринбургского губфинотдела взимание налога приостановили до 25 декабря. Однако распоряжение о возобновлении работ из Екатеринбурга было получено только 29 марта 1920 г. Губфинотдел установил окончательный срок уплаты натурналога – 30 апреля 1920 г. Шадринский уфинотдел отправил в Екатеринбург телеграмму о невозможности приступить к немедленному взиманию натурального налога. В уезде не закончили составлять списки плательщиков и не провели их полную проверку. Кроме того, в тех списках, которые имелись, уфинотдел обнаружил большое количество дефектов. Но самой главной причиной являлось запоздалое назначение натурналога, так как у населения уже изъяли все излишки хлеба.

Губфинотдел через 2 недели прислал телеграмму с требованием собрать налог по проверенным спискам, а в процессе работы допроверить остальные. Но заведующий уфинотделом не стал исполнять данное распоряжение. Собранное по этому вопросу совещание представителей местных работников в присутствии податного инспектора из Екатеринбурга поддержало решение руководителя уездного финансового отдела, так как все излишки были изъяты при разверстке, а большинство плательщиков выражало желание внести налог деньгами. Уездные работники считали, что можно вызвать озлобление населения, если настаивать на уплате продуктами. В итоге совещание постановило произвести взимание натурналога за 1919 г. деньгами, и 13 мая уведомило об этом Екатеринбург, но до 5 июня 1920 г. ответа получено не было⁴⁸.

Несмотря на все старания НКФ сохранить натуральную систему обложения в надежде распространить ее впоследствии не только на крестьянство, но и на другие слои населения, к концу 1920 г. стало окончательно ясно, что эти попытки напрасны. Никаких реальных фискальных результатов натуральный налог не давал и Наркомфин вынужден был отказаться от своего детища. В соответствии с указаниями второй сессии ВЦИК, 18 декабря 1920 г. НКФ представил в СНК проект постановления об отмене всех денежных налогов. Его предполагалось внести на рассмотрение VIII Всероссийского съезда Советов⁴⁹. Постановление было принято и подписано Лениным. Помимо отмены всех денежных налогов оно предусматривало: «Прекратить в 1920–1921 сельскохозяйственном году взывание натурального налога и недоимок по нему»⁵⁰. Юридически натурналог был отменен 3 февраля 1921 г., когда ВЦИК приостановил взимание всех денежных налогов⁵¹.

Фискальные итоги натурального налога за все время его действия оказались незначительными. Точные цифры его поступления определить крайне сложно, так как ав-

торы использовали различные методы подсчета. Как пример можно привести следующие данные: в переводе на золото поступление натурналога в 1918–1919 гг. составило 121 млн руб., 1919–1920 гг. – 253 и в 1920–1921 гг. – 480 млн руб.⁵² По другим данным, в натуральном выражении поступление налога по 27 губерниям в 1919 г. составило 43 969 пудов зерна и 408 тыс. руб. В 1920 г. в натуре поступило 199 206 пудов зерна и 58.4 млн руб.⁵³

На X съезде РКП(б) (8–16 марта 1921 г.) Ленин подвел неутешительный итог: «Закон о налоге датирован 30 октября 1918 г. Он был принят – этот закон, вводящий натуральный налог с земледельцев, – но в жизнь он не вошел. За его объяснением последовало в течение нескольких месяцев несколько инструкций, и он остался у нас непримененным»⁵⁴. Попытка введения натурального обложения закончилась провалом. Новая фискальная система не смогла заменить собой денежные налоги. Поступления в натуральном виде ни в коей мере нельзя считать серьезными. Крестьяне же стремились уплачивать налог деньгами по твердым ценам, которые по сравнению с рыночными были ничтожно малы. Сама возможность уплаты натурального налога деньгами выхолащивала идею, положенную в основу новой формы обложения.

Главную причину провала натурналога назвал Ленин: «Мы не смогли осуществить его, благодаря военным обстоятельствам»⁵⁵. Начало проведения налога совпало с ухудшением внутреннего и международного положения республики. Россия втягивалась в очередную виток Гражданской войны. Проведение коренной ломки старой налоговой системы в таких условиях было невозможно. Обстоятельства военного времени требовали более простых и решительных способов обеспечения Красной армии и населения продовольствием, поэтому натуральный налог не смог конкурировать с введенной 11 января 1919 г. продразверсткой. Натурналог требовал кропотливой подготовительной работы: определение по классовому принципу круга плательщиков, учет посевных площадей и количества членов семьи, составление списков крестьян, подлежащих обложению, проверка этих списков, наложение окладов налога на каждое хозяйство. Продразверстка не нуждалась в сложной системе исчисления и выгодно отличалась от натурального налога простотой взимания, что в условиях военного времени стало ее решающим преимуществом.

Кроме того, есть еще ряд факторов, которые привели к провалу натурального обложения. Неудачно выбранное время ведения налога: помимо ухудшения общеполитического положения республики сюда следует отнести и то, что натурналог стал проводиться слишком поздно, когда излишки хлеба были сданы продорганам по твердым ценам согласно хлебной монополии. При наличии налога и местные советы, и НКФ использовали данные, оставшиеся от земских учреждений и статистических органов старого времени, которые к осени 1918 г. уже не отражали реального экономического состояния большинства крестьянских хозяйств. Сбор единовременного 10-миллиардного чрезвычайного налога был начат одновременно с работой по натурналогу. Местные власти не имели достаточного фискального аппарата, чтобы заниматься проведением двух совершенно новых сборов. Провинциальные советы направили основные усилия на чрезвычайный налог, так как способы его реализации оказались для них более знакомыми и очень походили на методы, использовавшиеся ими в период применения контрибуций в конце 1917 – начале 1918 г. Поэтому в большинстве губерний к подготовительным работам по натурналогу или вообще не приступали, или они были быстро заморожены, а в центр посыпались ходатайства об освобождении крестьянских хозяйств от налога или об отсрочке его введения. Многочисленные льготы исключили из числа плательщиков основную массу крестьянства. Также появление очередного декрета об облегчении обложения крестьян натурналогом вносило дезорганизацию в подготовительную работу по его проведению. С октября 1918 г. до конца 1919 г. местные власти фактически трижды составляли списки плательщиков и пересматривали ставки обложения. Выявилась и несогласованность действий НКФ и Наркомпрода, работники которого игнорировали декрет о натуральном налоге. К осени 1918 г. ярко проявилась тенденция к уходу квалифицированных работников из провинциальных финотделов.

Они уже тогда с трудом справлялись с текущей работой. В 1919–1920 гг. положение ухудшилось, и у местных советов появился «кадровый голод» не только на квалифицированных служащих, но даже на людей, хотя бы в минимальной степени разбирающихся в элементарных финансовых вопросах.

Несмотря на полное фиаско в проведении натуралога в эпоху военного коммунизма, идея натурального обложения крестьянства получила дальнейшее развитие. 30 ноября 1920 г. в СНК обсуждалась проблема отмены денежных налогов. По итогам заседания было принято постановление, составленное Лениным, в котором в частности говорилось о необходимости подготовить и провести единовременно как отмену денежных налогов, так и превращение продразверстки в натуральный налог⁵⁶. Таким образом, вождь большевиков не собирался отказываться от идеи натурального обложения крестьянства. Принципы натуралога во многом легли в основу продовольственного налога 1921 г., ознаменовавшего переход Советского государства к нэпу.

Примечания

¹ РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 2, л. 6–7.

² РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 191, л. 3–4.

³ Там же, л. 30; ф. 5, оп. 1, д. 2759, л. 25.

⁴ Там же, ф. 19, оп. 1, д. 199, л. 7.

⁵ РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 2, л. 13.

⁶ Ленинский сборник XVIII. М.; Л., 1931. С. 155.

⁷ РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 214, л. 4.

⁸ Декреты советской власти. Т. 3. М., 1964. С. 470–473.

⁹ Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. Пленарные заседания. М., 1919. С. 20–21.

¹⁰ Там же. С. 41.

¹¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 37. С. 32.

¹² Ленинский сборник XVIII. С. 123, 150.

¹³ Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами... С. 40–41.

¹⁴ Декреты советской власти. Т. 3. С. 471–472.

¹⁵ Соколов Н.Г. Налоговая политика Советского государства в доколхозный период. Куйбышев, 1981. С. 37.

¹⁶ Кузовков Д. Основные моменты распада и восстановления денежной системы. М., 1925. С. 169–170.

¹⁷ Соколов Н.Г. Указ. соч. С. 38–39.

¹⁸ РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 226, л. 6; д. 233, л. 3; Декреты советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 247–249.

¹⁹ Оболенский Л. «Натуральный налог» и постановка его взимания // Известия Народного комиссариата финансов. 1919. № 7. С. 2.

²⁰ Декреты советской власти. Т. 4. С. 293.

²¹ Соколов Н.Г. Указ. соч. С. 41.

²² Декреты советской власти. Т. 4. С. 469.

²³ Социальная революция и финансы. Сборник к III Конгрессу Коммунистического Интернационала. М., 1921. С. 86.

²⁴ Соколов Н.Г. Указ. соч. С. 41.

²⁵ РГАЭ, ф. 7733, он. 1, д. 161, л. 20.

²⁶ Там же, д. 148, л. 6.

²⁷ РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 281, л. 3, 24, 29–30.

²⁸ ГА РФ, ф. 1235, оп. 21, д. 15, л. 49–52.

²⁹ РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 281, л. 29–30; Декреты советской власти. Т. 5. М., 1971. С. 105–106.

³⁰ Экономическая жизнь. 1919. 10 мая; Декреты советской власти. Т. 5. С. 106.

³¹ Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами... С. 40, 42.

³² Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. Работы секций и доклады. М., 1920. С. 128.

³³ Там же. С. 138–139.

- ³⁴ Там же. С. 140–141, 152–153, 155.
- ³⁵ Советы в эпоху военного коммунизма (1918–1921): Сборник документов / Под ред. В.П. Антонова-Саратовского. Ч. II. М., 1929. С. 275–276.
- ³⁶ Оболенский Л. Указ. соч. С. 2–3.
- ³⁷ РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 148, л. 18.
- ³⁸ Декреты советской власти. Т. 6. М., 1973. С. 193.
- ³⁹ ГА РФ, ф. 130, оп. 3, д. 887, л. 5 об, 21–27; д. 79, л. 229–232 об.
- ⁴⁰ Декреты советской власти. Т. 6. С. 193.
- ⁴¹ РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 148, л. 18.
- ⁴² ГА РФ, ф. 130, оп. 3, д. 99, л. 241; Декреты советской власти. Т. 6. С. 193.
- ⁴³ ГА РФ, ф. 1235, оп. 94, д. 169, л. 78–79; д. 73, л. 96, 98; оп. 36, д. 60, л. 4; Декреты советской власти. Т. 6. С. 193.
- ⁴⁴ Декреты советской власти. Т. 6. С. 192–193.
- ⁴⁵ Оболенский Л. Указ. соч. С. 3.
- ⁴⁶ Соколов Н.Г. Указ. соч. С. 42.
- ⁴⁷ Советы в эпоху военного коммунизма (1918–1921)... Ч. II. С. 278.
- ⁴⁸ Там же. С. 278–279.
- ⁴⁹ РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 406, л. 2.
- ⁵⁰ Там же. л. 44; ГА РФ, ф. 130, оп. 4, д. 208, л. 506; ф. 1235, оп. 38, д. 13, л. 15; оп. 7, д. 8, л. 188–193; РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 303, л. 7; Известия Народного комиссариата финансов. 1920. № 19 (35). С. 8.
- ⁵¹ Очередные вопросы финансовой политики. М., 1922. С. 57; Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти (1917–1927). М., 1928. С. 65.
- ⁵² Финансовая политика советской власти за 10 лет. М.; Л., 1928. С. 8.
- ⁵³ См.: Дьяченко В.П. Советские финансы в первой фазе развития социалистического государства (1917–1925). Ч. I. М., 1947. С. 158; Социальная революция и финансы... С. 86.
- ⁵⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 43. С. 28.
- ⁵⁵ Там же. С. 30.
- ⁵⁶ См.: РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 402, л. 4–5; Ленин В.И. ПСС. Т. 42. С. 51.

© 2011 г. Г. Е. КОРНИЛОВ*

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX века

Во второй половине 1990-х гг. в России началось обсуждение проблем продовольственной безопасности, что активизировало исторические исследования, особенно по изучению возможностей продовольственного обеспечения населения индустриально развитых территорий. Такие исследования целесообразно осуществлять в историко-экономическом плане, отслеживая положительный и отрицательный опыт в решении проблемы снабжения продовольствием¹.

В России вплоть до конца XIX – начала XX в. обеспечение необходимого уровня продовольственной безопасности регулировалось с помощью традиций в рамках общины и натурального хозяйства. Государство выполняло функции организатора военной безопасности и лишь в крайних случаях вмешивалось в процесс перераспределения продуктов между социальными группами и слоями общества. Формирование основных запасов и резервов осуществлялось домохозяйством, общиной, эти функции возлагались также и на помещика. Уровень сельскохозяйственного производства и не-

* Корнилов Геннадий Егорович, доктор исторических наук, заведующий сектором экономической истории Института истории и археологии УрО РАН.